

очевиден: универсалии Модерна дискредитированы, а взамен ничего более эгалитарного и справедливого не предложено.

**Общество потребления:
реванш «проклятой стороны Модерна»**

Особенность современной ситуации мышления связана с тем, что концепт потребительского общества смог объединить на внеполитической основе социальные группы и субкультуры с различными системами политических ценностей. Проблема заключается в крепости этого союза, обеспеченного благосостоянием, его идейной глубине (насколько сильно он затрагивает традиционные социальные границы, способен ли он их преодолеть) и универсальности (можно ли будет соблазнить им незападные цивилизации как великой целью). Исчезли внутренние идеологические полюсы, а вместе с ними и противоречия на уровне парадигм. Исчезновение для политической системы демократии внеположных ей самой целей, то есть значимых идеологических альтернатив, приводит к необходимости трансцендировать самое себя. Если цель ничто, или же предполагается в общем и целом достигнутой, что по сути одно и то же, то внимание обращается на само движение, развитие, изменение, на трансценденцию именно этой функции.

Проблема здесь заключается в том, что ускорение темпов роста как конечная цель уже не оправдывает превосходящих прирост трудовых и экологических затрат – такова аксиома концепции «пределов роста»¹. Если брать в расчет показатели преступности, загрязнения окружающей среды, уровня и доступности образования и здравоохранения и т.п., то разрыв между приростом ВВП и повседневной жизнью граждан лишь увеличивается,

¹ *Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рандерс Й. и др. Пределы роста. М., 1991; Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рандерс Й. За пределами роста. М., 1994.*

порождая эффект «роста без развития». Сам по себе экономический рост автоматически не влечет общего эффекта развития и повышения благополучия общества. Например, согласно некоторым подсчетам, уровень реального благосостояния в США уже несколько последних десятилетий не поднимается выше уровня 1976 г., в то время как американская экономика демонстрирует постоянный и устойчивый рост¹.

Кроме того, ускорение оборота денег (глобальные финансовые и спекулятивные «пузыри») не увеличивает общего богатства, но только само количество денег, увеличение количества событий и их интерпретаций не ведет к увеличению числа *значимых* событий, количество правильных решений не способствует их *реализации*.

Таким образом, трансцендируются, например, сами технологические процедуры демократии (выборы, способы принятия решений). Когда обесценились и исчерпались цели «демократизаторского» процесса, смыслом наделяется его скорость и масштаб. Так целерациональная деятельность вырождается в спорт, как бег по кругу. «Идеологические дебаты между левыми и правыми на тему, как поделить пирог определенного размера закончились. Внимание переместилось на то, как увеличить размер пирога»².

Индустриальное общество становится потребительским именно в момент полного удовлетворения базовых потребностей. Идея линейного прогресса диктует бесконечное расширение воспроизводства, в свою очередь требующего все новых потребностей, зависимость потребителей от которых является эффективным способом манипуляции их ценностями, целями и приоритетами.

¹ Вайцеккер Э., Ловинс Э., Ловинс Л. Фактор четыре. М., 2000.

² Кортен Д. Иллюзия роста // Вестник Уральского экологического союза, 2001. № 9(74). С. 1.

Аналогично в структуре современной экономики рынок товаров давно вытеснен рынком символов этих товаров. Прямая функция товара уступила место его идее, с помощью которой товар удовлетворяет некие потребности, включая потребителя в не всегда осознаваемую им систему символов и отношений. То же происходит и с современным политическим рынком.

При этом естественные пределы роста потребления (демократии) и сама необходимость его увеличения (глобального расширения демократии) отошли в тень. Рост производства/потребления – трансцендентная идея потребительской экономики, ее сакральное оправдание универсальной ценностью и логикой Модерна – Прогрессом. Непоколебимость этой идеи обуславливает всю структуру экономики потребления. Делегитимация такой идеи будет означать крах данной экономической структуры и ценностей политической системы, основанной на ней.

Но в этом и заключается основная проблема современной демократии, которая, имитируя раз за разом достижение давно достигнутых в действительности целей, сохраняет свой смысл и значимость ровно настолько, насколько ей удастся уклоняться от вопроса «что делать дальше?», то есть скрывать ситуацию безраздельного господства демократических ценностей «здесь и сейчас», метафорами, заимствованными из экономических теорий роста, подменяя свою реализованность интенсификацией.

Профанизация демократии как следствие ее глобализации привела к тому, что из идеала она стала общепринятой в мире формой легитимации политической власти, связанной с опорой на концепт общественного договора, естественные права и волеизъявление гражданского общества. На теоретическом уровне это выражается в эволюции политической транзитологии от идеологического противопоставления тоталитаризма и демократии, Запада и Востока к

концепции «качества демократии». При этом вдруг оказывается, что противопоставление чудесным образом снято, а дискредитированный было дискурс транзитологии спасен новой иерархией современных государств как «демократий 1-го, 2-го и 3-го сорта».

Очевидно, что современная демократия потребления ищет любые возможности, чтобы сделать шаг назад из статуса ставшей в статус становящейся, дабы уклониться от вопроса о своем историческом характере, наступающем любую воплощенную политическую концепцию. Само заявление о полной реализации целей является условным сигналом к утопической трансценденции легитимизируемого демократией социально-исторического порядка. Чтобы избежать подобной ситуации западная демократия вынуждена подтверждать свою жизнеспособность целым рядом приемов, достигая эффекта «послежития», путем постоянной ре-сакрализации овеществленных ценностей.

1. Утверждается частичность (неполнота) демократии как наличие еще не реализованных моментов, подтверждающих ее план-перспективу на будущее.

2. Объявление культурных и идейных вызовов потребительской демократии с априорным политическим злом, которое необходимо искоренить. Мессианизм, отождествляющий любые альтернативы демократии с с антидемократией.

3. Поиск «другого» внутри и вовне демократической системы как культурного референта, на котором демократия еще должна реализоваться. Своего рода «варварских объектов» на периферии глобализированной нормы демократии.

4. Перевод любых идейных конфликтов и внесистемных вызовов во внутренний план панлогистской, универсальной демократической системы как «излечимых» патологий и отклонений.

Сегодня вряд ли кто-то способен объективировать общую логику политической системы потребления, поскольку в этом случае попадают под вопрос либеральные ценности и демократия как универсальные концепты человечества. Находясь внутри этой системы, исследователи опасаются затронуть общую парадигму системы, помыслить о том, например, так ли уж исторически необходимы и безальтернативны демократия и общество потребления вообще. Поэтому политическое действие протекает в форме перебора вариантов, предустановленных самой системой: речь идет не о рынке, а о его вариантах, не о демократии, но о ее формах, не о концепции потребления, а о свободе выбора товаров, ассоциируемой со свободой вообще и т.п.

Логика власти, воплощенная в обществе потребления в логике желания, направлена на снятие сознательных альтернатив, на перевод механизма власти в «подсознание». Субъект «должен желать», чтобы им стало возможно манипулировать. Отсюда столь заметна бессознательная тяга людей общества потребления к различного рода перверсиям, доведению желания до запредельности, когда оно оборачивается антижеланием, теряет все заложенные в него системные смыслы, в том числе и властный. В любом случае наличие подобного усилия антивласти в человеке связано с формой аскезы как формой властной энергии, которая нейтрализует уловки желания, в том числе и маскируемого под освобождение.

Необходимо отметить, что сам концепт «общество потребления» вовсе не предлагает очередной универсальный экономический код для описания состояния пост-Модерна. Его суть вовсе не в удовлетворении неких потребностей, но в обозначении идентичности потребляющего. Потребление кристаллизуется как основная пост-идеологическая модель самоидентификации и социализа-

ции. Если ранее политическая идентичность выводилась из места в структуре распределения экономического дохода, из статуса, то теперь – из «стиля жизни». Потребление переклещается с удовлетворения потребностей на удовлетворение смыслов, с потребления товаров на потребление идей товаров, когда на смену месту в реальной структуре общества, легитимизируемому структурной идеологией, приходит миф, замешанный на системах символов, фиксирующих политическое пространство и модели его репрезентации.

Само потребление как символическая система становится способом самоидентификации, самопредъявления своей идентичности в эпоху стирания социально-экономических и прочих референциальных знаков идентичностей с тела обывателя, в эпоху масс и элит. Человек потребляет свою политическую идентичность как то, что не предзадано другими референциями. Политический выбор основан уже не на близости некоей группы по социально-экономическому положению, но на сходстве инкорпорированных символов и маркеров, устанавливающих общность. Отсюда феномен массовой политики как конструктора политических идентичностей.

Основная дилемма политического выбора проходит сегодня уже не через идеологический спор истинного и ложного сознания. Это путь выбора между тактикой культурной нейтральности (толерантности) и безразличия, своего рода культурного расизма, диктующего раздельность сосуществования всего со всем, и культурным постмодерном, основанном на смешении и симуляции культурных символов. При этом главная иллюзия постмодернизма состоит в вере в мирное сосуществование различных систем ценностей путем отказа от универсальных критериев, которые скрепляют любой значимый диалог различных культур. Но теория сосуществования рушится как только встает

принципиальный вопрос о практическом соотношении постулатов либеральной демократии и культурно Другого.

Проблема Другого в рамках мессианской потребительской демократии неразрешима, его возможность признается лишь затем, чтобы потом объявить злом и осуществить самоидентификацию от противного. Зло, отождествляемое с Другим, базируется здесь на принципе символа, обнаруживая двойственность и относительность любых явлений. С другой стороны, отождествляются добро и разум на основе системы ценностей, связанной с определенным типом рациональности, толерантности, демократии и т.д. Но на самом деле можно отрицать лишь сам принцип этого деления, как Ницше, либо учитывать их взаимное присутствие во всех вещах.

Эта манихейская модель общества потребления оказывается бессильной на символическом уровне, когда получает внесистемный вызов. Например, Запад не может противостоять терроризму по существу, то есть на идейном уровне, не имея тех универсальных общечеловеческих идей, которые могли бы стать эффективными вовне внутренней реальности системы. Демократия, естественные права человека, капитализм являются содержательными понятиями только для внутреннего употребления. На другие культуры эти «магические заклинания» действуют далеко не всегда. Имея техническое и информационное превосходство, общество потребления оказалось «немым» и «глухим» перед проклятиями, насылаемыми на него из совершенно иной ценностной системы координат.

Причем, чем активней изживается политическое зло в пользу добра (замалчивание, инкорпорация, исключение, интерпретация), тем все более опасные и неизлечимые формы начинает принимать зло, угрожая в конце концов разрушить изнутри (а только так сегодня он и может быть разрушен) доминирующий в мире политический универсум капиталистической миросистемы.

Например терроризм, находящийся даже не в первой десятке реальных глобальных угроз человечеству, был вознесен в рейтингах международной опасности только тогда, когда были уничтожены символы глобализации и капиталистической миросистемы – Нью-Йоркские башни-близнецы. При этом согласно статистике: «В Америке было четыре захвата самолетов 11 сентября. Однако в первой половине 1970 гг. в Европе, в странах Азии и в США среднее количество инцидентов по захвату самолетов составляло 15-18 раз в квартал. При таких масштабах какая бы истерия существовала сегодня»¹.

Критерием реальности угрозы служит то показательное обстоятельство, что открытие культурно чуждого современному обществу потребления содержания то в одной, то в другой отрасли познания (психоанализ, семиология, культурология, политика) оказывается столь неожиданным и болезненным для западного сознания, что оно уже не прикладывает естественных для культуры усилий, направленных на включение «иноного-чуждого» во внутреннее содержание системы. «Чужак» впервые предстает как абсолютно Иное, не только не включаемое в систему, но даже не вступающее в коммуникацию с ней.

Общество вынуждено изменять язык своего самоописания, поскольку ценности Модерна стали атрибутом повседневности, автоматическими инстинктами, содержанием самого бессознательного. Реализованность этих ценностей, их «овеществление» порождает идейный вакуум, связанный с утратой утопического элемента достижения, ведь ценности Модерна даны как воздух, «естественны». И эта данность приводит к вызреванию иного социального бытия, по принципу «свято место пусто не бывает», взрывающего этот ста-

¹ *Иноземцев В.* Почему Россия не Ирак? (Интервью) // *Тор-Manager*, 2007. № 8(74). 28 августа.

тус-кво утопическими альтернативами изнутри и снаружи, в том числе и за счет собственных средств Модерна, как это делает пост-Модерн в форме «симуляции реальности социальных институтов Модерна»¹.

Происходит сведение инаковости к внутреннему порядку дифференциации, который определяет сами условия обмена. То есть дифференциация предполагает принятие правил системы, по которым происходит установление порядков отличий. Сопротивление также включается в систему отсчета демократии на ее условиях, на правах отличного. Ключевая проблема заключается в том, что внутри универсальной шкалы ценностей сопротивление принудительному договору может быть эффективным, только если оно бросает вызов системе в целом: вызов, направленный на ее деструкцию. Здесь невозможен не только диалог и договор, но уже сами переговоры, неприемлем даже дар, как способ влияния. Но герметичность и неуязвимость подобной системы лишь кажущаяся.

Реваниш «прóклятой стороны» Модерна

Проблема «прóклятой стороны» Модерна в том, что государства «глобального центра» (первого мира, информационного общества, золотого миллиарда, западной цивилизации) в настоящее время полностью реализовали в своей политической практике проект Просвещения и Модерна с его базовыми ценностями свободы, прав человека и различных меньшинств, прогресса, труда и соответствующими им институтами частной собственности, рынка, гражданского общества, представительной демократии, выборов и т.п. Более того, неолиберальная глобализация обнаружила историко-цивилизационную граничность Модерна, связанную с уникальностью «Запада».

¹ *Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб., 2000. С. 39.*

Но реализация явилась, одновременно, и исчерпанием проекта Модерна, утратившего утопический жест и укоренившегося в самой «природе вещей» как норма, то есть «естественное состояние», утверждаемое на фундаменте «здорового смысла». Актуальный кризис ценностей и институтов Модерна, на который указывает ситуация пост-Модерна, проявляется именно в процессах деуниверсализации и симуляции ценностей Просвещения и Модерна. Воспроизводство в качестве утопических проектов и ориентиров на самом деле давно реализованных ценностей и институтов обнаруживает фундаментальный кризис классической политической эпистемы, строившейся на основе жесткого бинарного кода: субъект – объект, доминирование – подчинение, разум – безумие, демократия – тоталитаризм, социализм – капитализм, план – рынок, цивилизация – варварство, рациональность – чувственность и т.д.

Все перечисленные дихотомии сводятся к одной: норма/не-норма, где норма выступает как тождественное, тавтологическое, самоочевидное, универсальное, как привилегия знания единственной истины, а не-норма – трактуется как «проклятая сторона вещей»¹, «объект умолчания», Другой – «свой иной» и т.п. Однако именно не-норма является тем патологическим, ложным, косным, латентным, скрытым, неформальным, подавляемым содержанием, за счет которого, тем не менее, и оформляется привилегия, общезначимость, истинность нормы. Проблема состоит в том, что ценностная норма Просвещения сегодня, будучи полностью воплощенной, «овеществилась», то есть превратилась из утопической цели в характеристику профанной политической реальности, которая не утопична, а идеологична, то есть, ее не имеет смысла достигать, поскольку она уже есть повседневная реальность.

¹ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000. С. 157-164.

Политические ценности и нормы Модерна утратили свою запредельность, свой привилегированный статус, с помощью которого они легитимировали политическую практику. *Равенство сакральных модернистских ценностей профанному миру, то есть ситуацию их реализации (овеществления) как раз и выражает ситуация пост-Модерна как контр- или анти-Модерна, где норма=не-норме.* Но как только возникает такое равенство, в лишившейся «нормативных ценностей» политической системе сразу же начинает зреть ценностная альтернатива воплощенной в социальной реальности и политических институтах норме, взрывающая «естественный» политический порядок вещей рождением новых утопических ценностей и идеалов.

Черпаются новые ценности и идеалы главным образом в «прóклятой стороне вещей», то есть во всем, что исторически подавлялось и вытеснялось привычной рации-антрополого-центричной нормой Просвещения, которая в свое время тоже носила революционный, «прóклятый» характер с позиций «Старого Режима». И здесь «прóклятая сторона вещей» вдруг становится «утопической стороной вещей», открывая в них подавляемое и вытесняемое ранее содержание. *«Исключаемые» ранее ценности и смыслы вдруг приобретают характер «исключительных»,* прежняя маргинальность обрывается новой нормативностью. Они берут реванш, разрушая и делегитимируя нормативно-универсальное пространство «великих идеологий», то самое «естественное» политическое пространство представления, заданное когда-то ценностными нормами Модерна.

Приведем ряд актуальных примеров реванша «прóклятой стороны вещей» Модерна.

1. Поскольку политический Модерн потерял утопический жест, все, что можно положить в основание легитимации современной демократии, – это построение «еще

более гражданского и демократического общества», чем уже имеющееся. Подобная идеологема не может быть основой легитимной государственной идеологии, так как основополагающие ценности не могут черпаться в профанной реальности.

2. Вместо качественного обновления и технической модернизации, предложенных обществу Модерном, пост-Модерн связан лишь с количественной интенсификацией информационных потоков и общественных процессов, что можно трактовать как исчерпание или завершение научно-технической революции XIX–XX вв. Кроме того, дискурс пост-Модерна уже не содержит «социально-утопических проектов», идей построения «нового общества» и рождения «нового человека». Пост-Модерн предлагает отказаться от тотальных социальных проектов и радикальных изменений, ограничившись «нормальным демократическим обществом», которое уже существует на Западе. С позиций классического Модерна это можно расценить только как тупик развития, консервативный реакционизм.

3. Вместо научного «общества знания», каким оно замышлялось в логике Модерна, «информационного общество» представило сегодня лишь его «проклятую сторону» – электронно-развлекательно-потребительский эрзац.

4. Господство логики желания приходит на смену логике запрета и ограничения. При этом оказывается, что «естественная гармония» частных желаний, их суммирование или «снятие» в логике пост-Модерна оказывается невозможным, так как все они оказываются равновеликими. Поэтому в отсутствие универсальной нормы мультикультурализм легко превращается в этноцентризм, патриоты – в фашистов и экстремистов, «правые» в «левых», коммунисты в «консерваторов» и т.д.

Таким образом, *пост-Модерн – это время перехода, время господства «проклятой стороны вещей» Модерна, то*

есть Контр-Модерна. Это время ожидания новой нормы, которая абсолютно точно не будет связана с интеллектуально паразитирующим на идейном проекте Модерна течением постмодернизма. Но возможны ли альтернативы универсализму Модерна, кроме его собственной «проклятой стороны», которую усиленно эксплуатируют постмодернисты? Альтернативы связываются теоретиками в основном как с группами-маргиналами (хиппи, фундаменталистами, террористами, экологами-экстремистами, антиглобалистами, различного рода меньшинствами), так и со странами-маргиналами, которых эксплуатирует «глобальный капитал», и которые должны будут ответить на эксплуатацию созданием «глобального интернационала угнетенных», в составе всего «третьего» и бывшего «второго» мира.

В свое время идея реванша маргиналов, выдвинутая Г. Маркузе, ангажировалась левыми идеями¹. Ее спорность состоит в том, что маргиналы, выкинутые из «системы», вовсе не превращаются автоматически в анти-системную силу. Скорее сложившаяся система, в случае возникновения реальной угрозы со стороны «отбросов общества», «периферии», «третьего мира» просто пойдет на увеличение издержек их содержания. То есть приручит, адаптирует и нейтрализует эти разрозненные группы скорее, чем те смогут (и смогут ли), найдя общие интересы, составить ей действительную альтернативу.

Реальная угроза «проклятой стороны» Модерна связана лишь с возрастанием и реваншем всего того, что последовательно подавляется и вытесняется им самим. Возможно, новая «проклятая сторона» по «принципу отрицания отрицания» кристаллизуется в идеях, связанных с религиозной эсхатологией, хилиастичностью, глобальными экологическими угрозами и т.д. В любом случае «проклятая сторона»

¹ Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. С. 336-338.

будет успешна лишь если станет стороной утопической, ориентированной на более универсальное и дающее более широкий спектр возможностей будущее, в котором найдется место всем.

Симулируя Модерн: политика в пределах здравого смысла

Сущность любого общества заключена в том, что оно не говорит о себе. Либо в силу различных сакральных «табу», либо потому, что те или иные ценности и аксиомы считаются самоочевидными, выступая в качестве «высших принципов» практики. Здравый смысл в современной политике выступает именно такой технологией «о которой не говорят», позволяющей не дискутировать о самоочевидных «принципах» и одновременно *от их имени* легитимировать политическую практику, обслуживающую вполне земные интересы. Безусловно, любые общества так или иначе все же что-то «говорят о себе», но на основе неких принципов, в строго определенном тоне и с избеганием критики определенных тем и аксиом, то есть всего того, что далее мы будем называть областью «здравого смысла».

Существует исторически дозволенный и желательный «образ общества», он и используется для легитимации общественных практик. Здесь бремя любых доказательств, аргументов и опровержений автоматически возлагается как бы «дорефлексивным» здравым смыслом на его противников. Но то, что нуждается в доказательстве, уже шатко и сомнительно само по себе в сравнении с самоочевидностью здравого смысла как фатальных истин, не нуждающихся в доказательстве. Люди с ними смиряются либо нет, но от этого подобные истины не перестают быть единственно верными, неопровержимыми, неизбежными, независимыми от субъекта любых изменений.